

УДК 316.28

О. Р. Лычковская

канд. соц. наук, доц. кафедры социологии Института социальных наук
Одесского национального университета им. И. И. Мечникова, к. 40,
Французский бул. 24/26, г. Одесса-58, 65058, Украина, тел. 68-60-92,
lychkovska@mail.ru

КОНЦЕПТ “ПРАКТИКИ” И “ПРАКТИК” В СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ П. БУРДЬЕ

Статья посвящена анализу ключевых понятий теории практики П. Бурдье. Практика осмысливается как индивидуальная каждодневная практическая деятельность, развивающаяся между объективизмом определенных диспозиций (габитуса) и привязанностью к постоянно меняющейся ситуации. Основными понятиями, необходимыми для реконструирования концепта практики у П. Бурдье, выступают привычка, практический смысл/практическое чувство, тело, темпоральность и логика практики. Отдельный аспект исследования посвящен концепту габитуса как механизму двойного объективно-субъективного структурирования практик, а также возможностям вписывания их в социальное пространство и социальное поле.

Ключевые слова: практика, практики, габитус, практический смысл, логика практики.

Неослабевающий и вновь актуализированный интерес к творчеству П. Бурдье, безусловно, находится в русле прагматического поворота в социологии, произошедшего в последней трети XX века и повернувшего фокус исследовательского внимания к повседневному миру человека в его практическом измерении, в котором существует особая “прагматика”, то есть логика использования, реализации, употребления, функционирования как вещей, так и идеальных объектов — слов, идей, правил, норм, способов наименования и классификации. Методологический синтез между макро- и микросоциологией, объективизмом системно-структурного подхода и субъективизмом “понимающей социологии” и социологической феноменологии, получивший отражение в концептуальных поисках П. Бурдье, нашел свое воплощение не только в выделении понятия “габитуса”, опривыченного объективного опыта, “совокупности диспозиций действия, мышления, оценивания и ощущения...” [1, с. 32], но и в двойственном концепте “практики” и “практик”.

Практика осмысливается в противоположность теории, сухой рациональности, иллюзорной сциентистской объективности как индивидуальная каждодневная практическая деятельность, развивающаяся между объективизмом определенных диспозиций (габитуса) и привязанностью к постоянно меняющейся ситуации. Изучить практику невозможно вне практики. На примере одной из разновидностей повседневной практики — обрядов — П. Бурдье пытается разъяснить самовоспроизводимую объективно-субъективную сущность практики. “Обряды, — пишет П. Бурдье, — суть

самоцельные практики, получающие свое осуществление в самом осуществлении; действия, делающиеся потому, что “так делается”, или потому, что “так надо делать”, но иногда еще и потому, что ничего другого не остается, как делать это, и нет нужды знать, почему и для кого это делается и что означает...” [2, с. 40]. Подобный методологический подход к практике не имеет отношения ни к чистому объективизму, когда в поисках объективных структур, законов и отношений, исследователь разъединяет научное познание и практическое, сводя последнее к рационализации и экспликации выявленных имплицитных представлений и систем действий, не сводится он и к социальной феноменологии, которая, погружаясь в практику, не может выйти за рамки описания “пережитого опыта”, попытавшись осмыслить причины и условия его породившие. Задача социального интерпретатора, по мысли П. Бурдьё, состоит в том, чтобы выявить смысл практики, или “практический смысл”, “восстановить забытую логику, тогда как сами действия могут не иметь, собственно говоря, никакой цели, ни функции, кроме тех, что подразумевают само их существование, и смысла, объективно вписанного в логику жестов и слов..” [2, с. 40], то есть реконструировать тот **габитус**, который порождает данную практику и то социальное пространство, в рамках которого она существует. В таком аспекте второе понятие — **практики** — анализируется с точки зрения тех привычных, рутинизированных правил, приемов, навыков, благодаря которым “тела способны двигаться, с объектами умеют обращаться, субъекты могут быть понятыми, вещи становятся описанными, а окружающий мир понятным” [3, р. 250]. Основным механизмом, обеспечивающим функционирование и регулирующий характер практик — это **габитус**, который также представляет собой двойное объективно-субъективное структурирование социальной реальности.

Итак, **практикой** можно считать как целесообразные действия индивидов по преобразованию социального мира, так и каждодневные привычные поступки, не требующие объяснения и зачастую кажущиеся внешнему наблюдателю лишенными смысла или же алогичными. В самом общем виде практика всегда связана с конкретным событием или цепью событий, но не сводится к ним. Основные понятия, необходимые для реконструирования концепта практики у П. Бурдьё, это **привычка, практический смысл/практическое чувство, тело, темпоральность и логика практики**.

Д. Юм одним из первых обратил внимание, что привычка и обычай становятся “первопричинами”, обуславливающими человеческое восприятие, мышление и поведение. Привычка предписывает мыслить определенным образом, отсюда можно рассматривать мышление как “действие по привычке” или мыслительную практику [4]. Функцию привычной практики, определяющей сознание и деятельность, выполняют и такие механизмы, само название которых связано с семантикой слова “**привычка**” — “**habit**”. Речь идет, скажем, о понятии “**хабитуализации**”, предложенном П. Бергером и Т. Лукманом [5], или же “**габитусе**” у П. Бурдьё [2]. “Являясь продуктом истории, — пишет П. Бурдьё, — габитус производит практики как индивидуальные, так и коллективные, а, следовательно — саму исто-

рию в соответствии со схемами, порожденными историей. Он обеспечивает активное присутствие прошлого опыта, который, существуя в каждом организме в форме схем восприятия, мышления и действия, более верным способом, чем все формальные правила и все явным образом сформулированные нормы, дает гарантию тождества и постоянства практик во времени” [2, с. 105]. Именно таким образом, по мысли П. Бурдье, внешняя, объективная необходимость реализуется через внутренний закон практик, не сводимый ни к ситуационным принуждениям, ни к индивидуальным свойствам агентов практики.

Понять практику возможно только из нее самой, а для этого необходимо выявить, что же движет социальными агентами практики. Описывая логику практик, или же практическую логику, П. Бурдье обращается к терминам **“практическое чувство”, “практическое чутье”, “чувство игры”, “практический смысл”**, то есть весь тот комплекс неосознаваемых, но привычных умений, навыков, способов поведения и мышления, который содержится в габитусе, задается прошлым опытом и реализуется в конкретной ситуации. Это умения, всегда связанные с реализацией конкретного события, понятные лишь в определенном конкретном контексте, но осваиваемые в процессе социализации и/или инкультурации как привычные схемы рассуждений и действий, **“фоновые” социальные практики**. **“Практическое чувство**, — утверждает П. Бурдье, — это социальная необходимость, ставшая природой и преобразованная в моторные схемы и телесные автоматизмы, она позволяет практикам в том и через то, что остается в них неясным с точки зрения их производителей и в чем обнаруживают себя принципы интерсубъективности и их производства, быть *осмысленными*, а иначе говоря — *наполненными здравым смыслом*” [2, с. 134]. Определяя **здравый смысл**, П. Бурдье подчеркивает его амбивалентность, обозначая как результат согласования между практическим чувством и объективированным смыслом, таким образом его **“непосредственная очевидность... удваивается объективностью**, обеспечивающей консенсус в отношении смысла практик и мира, т. е. гармонизацией опытов и постоянным подкреплением” [2, с. 112]. В таком контексте П. Бурдье идет в русле феноменологических концепций интерсубъективной типизации повседневного знания и здравого смысла, и этнометодологических исследований.

Вписанность повседневных действий и практик в тело рассматривалась многими мыслителями, достаточно назвать хотя бы **“телесную эпистемологию”** М. Мерло-Понти [6], **“дисциплинарные практики”** и **“эпистемы”** раннего М. Фуко [7] или **“телесную, невербальную коммуникацию”** И. Гофмана [8]. П. Бурдье продолжает традицию практического, **телесного осмысления** человеческой деятельности. **Практическое чувство и практическое верование**, по П. Бурдье, это не **“состояние души”** и не сознательно принятое решение верить, но **“состояние тела”, “верование в действии”**, продукт **“телесных диспозиций и схем действия”**, трактующих тело как **“запоминающее устройство или некую кладовую, где хранятся самые большие ценности** [2, с. 133]. С этим связана сущность ритуальных практик, связанных с исполнением упорядоченных телесных действий, имеющих

своей целью упорядочить мысли и внушить чувства. Заученное телом знание всегда неотъемлемо от него, особенно хорошо это видно у бесписьменных народов, где “унаследованное знание может сохраниться только в инкорпорированном виде” [2, с. 142].

Основное отличие практики от теоретической деятельности лежит, по мнению П. Бурдьё, в ее **темпоральности**. Практика всегда разворачивается во времени и обладает всеми соответствующими характеристиками, такими как **необратимость, ритм, темп и направленность**. “Практика всецело имманентна длительности, а потому идет рука об руку со временем, — пишет П. Бурдьё, — не только потому, что она разыгрывается во времени, но и потому, что в самой ее стратегии заложено обыгрывание времени и особенно темпа” [2, с. 158]. Темпоральность, в свою очередь, порождает такие свойства практики как “**практическое время**”, состоящее из отдельных фрагментов длительности, несоизмеримых друг с другом, “**практический ритм**”, который “то спешит, то топчется на месте” в зависимости от функций, которые сообщает ему совершающийся в нем поступок [2, с. 163] и, наконец, **безотлагательность** решений, связанная с возможными проблемами, вызовами и угрозами, которыми, собственно говоря, и образуется реальный повседневный мир действий и практик.

Говоря о **логике практики или практик**, следует отметить ее неопределенность, неоднозначность и алогичность с точки зрения привычной формальной логики. В ней одинаково закономерны и практическая связанность, и зыбкость, и неправильность. Это логика без сознательной рефлексии и логического самоконтроля. “Такая парадоксальная логика, — пишет П. Бурдьё, — свойственная всякой практике или, вернее, всякому *практическому чувству*: привязанная к “существованию дела”, всецело находясь перед лицом настоящего и практических функций, которые она в нем вскрывает в форме объективных возможностей, — практика исключает возврат к себе (то есть к прошлому), не ведая об управляющих ею принципах и о содержащихся в ней возможностях, которые она может обнаруживать лишь в действии, то есть во временной развертке” [2, с. 178]. Практическая логика также обладает **перформативностью**, то есть стремлением осуществлять в действии то, что говорится. Особенно это касается обрядовых и ритуальных практик произнесения обетов, клятв, инициации и т. п. “Понять ритуальную практику, — говорит П. Бурдьё, — это значит воссоздать не просто ее внутреннюю логику, но также и ее практическую необходимость, соотнося ее с реальными условиями ее генезиса, то есть с теми условиями, в которых оказываются определены как выполняемые ею функции, так и используемые для этого средства” [2, с. 189].

Описывая взаимоотношения практики и габитуса, П. Бурдьё подчеркивает их сложный и неоднонаправленный, нелинейный характер. “Детерминации, связанные с особым классом условий существования, производят *габитусы*, — пишет П. Бурдьё, — системы устойчивых и переносимых *диспозиций*, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т. е. как принципы, порождающие и организующие практики и представления, которые могут быть объ-

ективно адаптированными к их цели, однако не предполагают осознанную направленность на нее и неперенное овладение необходимыми операциями по ее достижению” [2, с. 102]. При этом, как подчеркивает П. Бурдье, практика не является результатом слепого подчинения правилам, идущим от габитуса. Стимулы не существуют “как объективная истина *условных и обусловленных* пусковых устройств, а действуют только при условии их встречи с агентами, способными их *узнавать*” [2, с. 103]. При подобном понимании механизма запуска практики, П. Бурдье удается избежать как слепой объективистской детерминации, так и обойти подводные камни методологического субъективизма. Остановившись далее на модели взаимоотношений между “сконструированными объективными вероятностями” и “субъективными устремлениями” (мотивами и потребностями), П. Бурдье подчеркивает хабиитуализированный (опривыченный) характер прочно усвоенных диспозиций “... в отношении возможного и невозможного, свобод и необходимостей, попущений и запретов, вписанных в объективные условия, совместимые с данными условиями и в некотором роде заранее адаптированные к их требованиям” [2, с. 104]. Интериоризация внешнего дает возможность внешним объективным силам реализовываться в соответствии со спецификой индивидов, в которых они инкорпорированы. При этом П. Бурдье обращает внимание на диалектику свободы и необходимости, заключенную в габитусе. “Габитус, — говорит П. Бурдье, — как приобретенная система порождающих схем делает возможным свободное продуцирование любых мыслей, восприятий и действий, вписанных в границы, свойственные особым условиям производства данного габитуса, и только им” [2, с. 106]. Таким образом, свобода, предоставляемая агентам “обусловлена и условна” — она не допускает создания ничего принципиально нового, но и не позволяет механическое воспроизводство изначально заданного. В то же время габитус, по мысли П. Бурдье, это то, что позволяет производить бесконечное число практик, относительно непредсказуемых, как и ситуаций, их порождающих, так и ограниченных в своем разнообразии. Габитус всегда связан с изменением в той его части, которая порождается закономерностью. Созидание нового, по мнению П. Бурдье, осуществляется через конфронтацию габитуса и события, которая вырывает габитус из случайных обстоятельств и делает из этого “проблему, предлагая также и принципы решения”. Таким образом, габитус — это всегда и искусство изобретения будущего, и искусство сохранения прошлого. “Габитус — спонтанность, не обладающая сознанием и волей — одинаково противопоставляет себя как механической необходимости, так и рефлексивной свободе” [2, с. 109]. Габитус также соотносится с институтами, он совершает “реактивацию смысла, объективированного в институтах”, он есть то, что “позволяет “обжить” институты, практически их присвоить и тем самым поддерживать в активном, жизненном режиме”, одновременно с этим, габитус подвергает институты преобразованию и пересмотру, что является условием их реактивации [2, с. 111].

Итак, габитус порождает и регулирует социальные практики, но, одновременно с этим, он задает восприятию социального мира **двойное структу-**

рирование. С **объективной стороны** оно социально сконструировано через позиции агентов в социальном пространстве и их социальные практики, обусловленные их силовыми позициями и социальными капиталами. С **субъективной стороны**, оно задается привычными схемами восприятия и оценивания, что порождает видимые предпочтения, мнения, системы вкусов. Таким образом, габитус опосредует объективные позиции агентов в социальном пространстве и социальном поле и видение ими этих позиций.

В заключении заметим, что социальная теория П. Бурдьё, безусловно, оказала колоссальное влияние на развитие социологии “конца века”, которую по праву можно было бы назвать “постбурдьёнианской”. И хотя существуют критические оценки концептов “практики” и “габитуса”, предлагаемые неофункционалистами, например, Дж. Александером, обвиняющим П. Бурдьё в социологическом редукционизме и сведении концепта “практики” к неомарксистскому понятию “праксиса” у Д. Лукача и Л. Альтюссера (последний, впрочем, был одним из учителей П. Бурдьё, что и объясняет, на наш взгляд, тяготение к критической направленности неомарксиста), а также подмене в понятии “габитуса” “теоретического синтеза” на “субъективизацию объективных сил” [9], именно практически ориентированная социальная теория П. Бурдьё обусловила “прагматический поворот” в современной социологии. В этой связи можно назвать работы учеников и коллег П. Бурдьё — П. Шампаня, Л. Пэнто и др., развернувших “практическую социологию” П. Бурдьё в область методологии социологических исследований [10] или исследования Л. Болтански и Л. Тевено, посвященные анализу механизмов и логики повседневных практик и сконцентрированные на способах объяснения повседневных действий, влиянии вещественной составляющей на протекание практик, а также научной интерпретации разных способов осуществления и оправдания действий агентов в зависимости от “режима близости/вовлеченности” их в ситуацию практики [11].

Литература

1. Бурдьё П. Социология социального пространства. Пер. с франц. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. — 288 с.
2. Бурдьё П. Практический смысл. Пер. с франц. — СПб.: Алетейя, 2001. — 562 с.
3. Reckwitz A. Toward a Theory of Social Practices. A Development in Cultural Theorizing // European Journal of Social Theory. — 2002. — N. 5(2). — P. 243-263.
4. Юм Д. О человеческой природе. — СПб., 2001. — 320 с.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. — М., 1995. — 323 с.
6. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. Пер. с франц. — СПб.: Ювента, Наука, 1999. — 606 с.
7. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Пер. с франц. — СПб.: А-скад, 1994. — 406 с.; Фуко М. Археология знания. Пер. с франц. — СПб.: ИЦ Гуманитарная академия; Университетская книга, 2004. — 416 с.
8. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. Пер. с англ. — М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. — 303 с.
9. Alexander J. C. The Reality of Reduction: The Failed Synthesis of Pierre Bourdieu//Fin de Sincle Social Theory: Relativism, Reduction, and the Problem of Reason. — L. — N. Y., Verso, 1995. — 325 p.

10. Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии. Пер. с франц. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейа, 2001. — 410 с.
11. Тевено Л. Какой дорогой идти? Моральная сложность “обустроенного” человечества // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2000. — Том III. — № 3. — С. 84 — 111; Тевено Л. Прагматика познания. Введение: Исследование связи между познанием, коллективностью и практикой // Социологический журнал. — 2006. — № 1/2. — С. 5-39.

О. Р. Личковська

кафедра соціології Інституту соціальних наук Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова, к. 40, Французький бул. 24/26, 65058, м. Одеса-58, Україна.

КОНЦЕПТ “ПРАКТИКИ” ТА “ПРАКТИК” У СОЦІАЛЬНІЙ ТЕОРІЇ П. БУРД’Є

Резюме

Стаття присвячена аналізу ключових понять теорії практики П. Бурд’є. Практика осмислюється як індивідуальна щоденна практична діяльність, що розвивається між об’єктивізмом певних диспозицій (габітусом) і прив’язанням до постійно мінливої ситуації. Основними поняттями, необхідними для реконструювання концепту практики за П. Бурд’є, виступають звичка, практичний смисл/практичне почуття, тіло, темпоральність і логіка практики. Окремий аспект дослідження присвячений концепту габітусу як механізму подвійного об’єктивно-суб’єктивного структурування практик, а також можливостям розміщення їх у соціальному просторі і соціальному полі.

Ключові слова: практика, практики, габітус, практичний смисл, логіка практики.

O. R. Lychkovska

Sociology Department of Social Sciences Institute of Odessa Mechnikov National University, r. 40, 24/26 Frantsuzsky Boulevard, 65058 Odessa-58, Ukraine.

CONCEPT OF “PRACTICE” AND “PRACTICES” IN SOCIAL THEORY OF P. BOURDIEU

Summary

The article is devoted the analysis of key concepts of P. Bourdieu practice theory. Practice is comprehended as individual daily practical activity, developing between objectivism of certain dispositions (habitus) and attachment to the constantly changing situation. It is come forward basic concepts, necessary for reconstructing of P. Bourdieu practice conception, habit, practical sense/ practical feeling, body, temporality and logic of practice. The separate aspect of research is devoted to habitus concept as mechanism of double objectively-subjective practices structuring and also possibilities of disposing them in social space and social field.

Keywords: practice, practices, habitus, practical sense, logic of practice.